

Н. Д. КОЧЕТКОВА

## КАРАМЗИН И АНТОН ВАЛЛЬ

В истории русско-немецких литературных контактов XVIII в. деятельность Карамзина явилась новым существенным этапом. Прекрасно владея немецким языком и хорошо зная литературу современной ему Германии, Карамзин выступал не только как переводчик, но и как критик, рецензент, редактор журнала, помогавшего читателям ориентироваться в выборе книг для чтения.

Интерес к Германии возник у Карамзина с детских лет, а в юношеские годы укрепился во время пребывания в пансионе Шадена. Уже в одном из писем к Лафатеру молодой писатель говорил о том, что немецкому языку «отдавал предпочтение перед другими языками».<sup>1</sup> Как справедливо замечает исследователь К. Битнер, это свидетельствует об «определенном направлении его духовного развития».<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Переписка Карамзина с Лафатером. Сообщ. Ф. Вальдманом. СПб., 1893, стр. 4.

<sup>2</sup> K. Bittner. Der junge N. M. Karamzin und Deutschland. In.: Herder-Studien. Holzner-Verlag, Würzburg, 1960, S. 82. — Собранный в этой статье интересный материал относится к периоду жизни Карамзина до издания «Московского журнала», хотя широко привлекаются главы из «Писем русского путешественника». Отдельные аспекты проблемы «Карамзин и Германия» нашли освещение в следующих работах: М. Н. Розанов. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения. Уч. зап. Московского унив., отдел историко-филологический, вып. 29, М., 1901; W. Stieda. N. M. Karamzin und Johann Philipp Krug. Zeitschrift für slavische Philologie, 1926, Bd. III, SS. 281—290; F. W. Neumann. Karamzins Verhältnis zu Schiller. Zeitschrift für slavische Philologie, 1932, Bd. IX, SS. 359—367; K. Bittner. Herderische Gedanken in Karamzins Geschitsschau. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. München, 1959, Jg. 7, SS. 237—269; H. Rothe. Karamzinsstudien. Zeitschrift für slavische Philologie, 1960, Bd. XXIX, SS. 102—125; 1962, Bd. XXX, SS. 272—306; В. И. Кулешов. Н. М. Карамзин и предромантизм в «Russische Miszellen» И. Рихтера. В кн.: Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд.

На страницах «Московского журнала» (1791—1792) новая немецкая литература представлена достаточно полно и разнообразно. Здесь Карамзин говорил о преимуществах немецкой драматургии перед французской, о таких писателях, как Гёте, Шиллер, Лессинг, Виланд, Клопшток, Клингер, Мориц, Геллерт, Геснер и многих других.

И. И. Дмитриев писал о Карамзине: «В „Письмах русского путешественника“ он познакомил наше юношество с немецкою литературою, приохотил его к сочинениям новейших германских писателей и направил к прилежному изучению немецкого языка, который пришел было у нас в совершенное пренебрежение».<sup>3</sup> В «Письмах» писатель не скрывает своей симпатии к «любезной Германии», с сожалением восклицая: «Германия! для чего я оставил тебя так скоро?».<sup>4</sup> В Лионе Карамзин радуется встрече с Маттисоном, который бросается обнимать его со словами: «Вы любите немецкую литературу, немецкое прямодушие!».<sup>5</sup>

Все это было пусть и наивным, но искренним выражением глубокого интереса Карамзина к Германии и ее литературе, интереса, поддерживавшегося друзьями писателя А. А. Петровым, А. М. Кутузовым и другими членами новиковского кружка.

Но поскольку масонство конца 80-х—начала 90-х годов XVIII в. было очень сложным и неоднородным течением, русские розенкрейцеры по-разному относились к духовной жизни и культуре Германии. Разумеется, прежде всего их привлекали немецкие мистики,<sup>6</sup> но далеко не все масоны, друзья Карамзина, стремились ограничить круг своего чтения сочинениями религиозно-мистического характера.

«Наука», М., 1965, стр. 252—263; Х. Грасгоф. Первый немецкий перевод «Бедной Лизы» и его автор. В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 179—187; У. Леман. Н. М. Карамзин и В. фон Вольдоген. В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век, сб. 7. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 267—271; J. Krause. Karl Philipp Moritz und Nikolaj Karamsin. Eine westöstliche Begegnung im Jahre 1789. Europäische Begegnung, 1967, Jg. 7, Nr. 11—12, SS. 607—609; H. Rothemann. N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Berlin, Zürich, 1968.

<sup>3</sup> И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II. СПб., 1893, стр. 59.

<sup>4</sup> Московский журнал, 1792, ч. VI, кн. 2, стр. 190.

<sup>5</sup> Там же, ч. VII, кн. 2, стр. 200.

<sup>6</sup> О знакомстве русских читателей с произведениями немецких мистиков см. статьи Д. Чижевского: 1) Deutsche Mystik in Rußland; 2) Jacob Boehme in Rußland; 3) Arndts «Wahres Christentum» in Rußland. In: D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Mouton, 1956, SS. 179—230.

Особенно замечательны и интересны суждения о литературе А. А. Петрова, высказанные им в письмах к Карамзину. И. И. Дмитриев вспоминал о нем: «Он знаком был с древними и новыми языками при глубоком знании отечественного слова, одарен был и глубоким умом и необыкновенною способностью к здоровой критике; но, к сожалению, ничего не писал для публики, а упражнялся только в переводах».<sup>7</sup> К немецкой литературе Петров относился с особым вниманием, о чем можно судить по направлению журнала «Детское чтение», в издании которого друг Карамзина принимал, как известно, самое деятельное участие. Уже в предисловии к этому журналу издатели говорили, что будут подражать «лучшим немецким сочинениям».<sup>8</sup> Характерно также, что в отличие от других масонов, отрицательно относившихся к «Московскому журналу» Карамзина, Петров поддержал издание своего друга и сам сотрудничал в нем. Один из переводов, сделанных Петровым, был подписан буквами Пт.<sup>9</sup> В. В. Фурсенко указывает также на принадлежность Петрову анонимно напечатанного перевода повести «Барух, или Ученик мудрости» Антона Валля.<sup>10</sup>

Имя Антона Валля не очень хорошо известно. Между тем Хоистиан Леберехт Гейне (Christian Leberecht Heyne, 1751—1821), выбравший себе псевдоним Антон Валль, — это, по словам немецкого исследователя Рудольфа Фюрста, «небольшой, но тонкий талант, у него на палитре есть такие краски, которые мы тщетно будем искать у большинства его коллег».<sup>11</sup> Биографические сведения и историко-критические материалы об Антоне Валле довольно скудны. Известно, что он изучал

<sup>7</sup> И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, стр. 26.

<sup>8</sup> Подробно об интересе издателей «Детского чтения» к немецкой литературе см.: Е. П. Привалова. Первый русский детский журнал «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова. Канд. дисс., Л., 1942 (Ленингр. пед. институт им. А. И. Герцена).

<sup>9</sup> Концев. Погулка арабского философа Ал-Рашида. Московский журнал, 1792, ч. VI, кн. 1, стр. 17—22. — В. В. Виноградов считает, что два произведения, подписанные буквой «П», принадлежат А. А. Петрову: «Эпитафия» (ч. I, стр. 23) и «Чудный сон». «Перевод из „Психологического магазина“, издаваемого боолинским известным профессором Морисом» (ч. I, стр. 194—202). См.: В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961, стр. 249—250; А. Н. Невстрев приписывает Петрову также два стихотворения за подпись «-въ» (ч. III, стр. 128; ч. VIII, стр. 165—166).

<sup>10</sup> Рукопись статьи В. В. Фурсенко хранится в собрании Ю. М. Лотмана.

<sup>11</sup> R. Fürst. Die Vorläufer der modernen Novelle im 18. Jahrhundert. Halle, 1897. S. 151.

в Лейпциге право, политику и историю, в 1787 г. жил в Галле, в 1788—1790 гг. в Берлине, а конец жизни провел в Хиршберге, удалившись от литературного мира, в бедности.<sup>12</sup>

К. Гедеке приводит подробную библиографию трудов Антона Валля, свидетельствующую о том, что в 80—90-е годы XVIII в. писатель активно выступал как с оригинальными произведениями, так и переводами с английского и французского языков. Излюбленные жанры Антона Валля — рассказ и драма. В. Шлегель высоко отзывался об этом авторе, его произведения пользовались успехом у публики, переиздавались несколько раз при его жизни и уже в 80—90-е годы переводились на французский, английский и датский языки.<sup>13</sup>

О знакомстве русских читателей с Антоном Валлем до сих пор специально не было собрано сведений, хотя существует интересный материал, позволяющий судить об известности этого автора в России.

Перевод повести «Барух, или Ученик мудрости», сделанный А. А. Петровым и напечатанный в «Московском журнале» Карамзина,<sup>14</sup> был одним из первых переводов Антона Валля на русский язык. В примечании издатель сообщал: «Сею повестью, переведенной из *Bagatellen von Anton Wall*, обязан я любезному... Но он не хочет, чтобы я наименовал его». Повесть Антона Валля «*Baruch oder der Schüler der Weisheit*» появилась в сборнике Гейне «*Bagatellen*» («Безделки»), изданном в Лейпциге в 1783—1785 гг. и переизданном там же в 1786—1787 гг.<sup>15</sup> Перевод выполнен с большой точностью, стиль довольно простой и легкий, но самое интересное — содержание повести, переведенной Петровым. Как отмечалось уже исследователями, Карамзин очень продуманно отбирал сочинения и переводы для своего журнала, и потому их анализ может существенно помочь при изучении литературно-общественной позиции самого Карамзина в начале 90-х годов XVIII в. В этом отношении повесть Антона Валля, несомненно, заслуживает внимания.

<sup>12</sup> K. Goedeke. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung. Bd. IV. Vom siebenjährigen bis zum Weltkriege. Dresden, MDCCCXCI, SS. 108, 226—227.

<sup>13</sup> Кроме переводов, указанных К. Гедеке, можно назвать еще следующие переводы на французский язык: 1) *Choix de petits Romans imités d'allemand par M. de Bonneville*, Paris, 1786; 2) *Antonie, suivie de plusieurs pièces intéressantes traduites de l'allemand par M-me la chanoinesse de P...* [de Polier]. Paris, 1787.

<sup>14</sup> Московский журнал, 1791, ч. II, стр. 223—252.

<sup>15</sup> Anton Wall. *Bagatellen*, Bd. I. Leipzig, 1786, SS. 174—202.

При подготовке второго издания «Московского журнала» в 1800-е годы Карамзин вынужден был по требованию цензуры исключить из соответствующего тома повесть «Барух», как сообщает Г. П. Каменев в письмах к С. А. Москотильникову, датированных октябрём 1800 г. Рассказывая о своем первом визите к Карамзину, Каменев глухо упоминает: «Жалуются на цензуру».<sup>16</sup> При описании второй встречи со знаменитым писателем Каменев уже прямо говорит об интересующей нас повести: «Журнал его (Карамзина, — Н. К.) скоро выйдет новым тиснением; но только цензура не пропустила некоторые пиесы, находящиеся в старом издании, как-то: Барух или Барух и прочее».<sup>17</sup>

Среди произведений, не вошедших во второе издание, были вещи разные по характеру. По-видимому, Карамзин, как взыскательный критик, сам не захотел включать некоторые сочинения, в том числе и свои собственные, например «Разные отрывки. Из записок одного молодого Россиянина», стихотворение «Выздоровление» и др. Можно полагать, что статьи, где развернулась полемика вокруг перевода Палефата, сделанного Ф. Туманским, также намеренно были выпущены издателем. Но знаменитая карамзинская ода «К Милости», не утратившая своей злободневности в павловское время, вероятно, была задержана цензурой, так же как и повесть Антона Валля. Основания для этого, безусловно, были.

Здесь рассказывается о путешествии в город Ниневию ассирийского юноши Баруха, который «имел здравой природной ум и сердце добродетельное». Первое впечатление от столицы вызывает у Баруха такую мысль: «У меня в деревне нет таких палат; однако ж нет и таких нищих». Барух подает милостыню нищим, они затевают драку, и полиция обвиняет его в том, что «он хотел возбудить чернь к бунту». Барух предстает перед правосудием, его признают невиновным, но свободу он получает, лишь заплатив тысячу монет. Главная цель Баруха — увидеть великого царя Ниневии. Ему удается это после того, как он проходит мимо двенадцати страж, отдавая каждый раз «запечатанный пакетик». Портрет царя нарисован так: «Царь был измозглая фигура («ausgemergelte Gestalt»), мучимая страшным кашлем; не говорил ни с кем ни слова, и изо ста блюд ел только с одного. Однако ж сия фигура была вся в жемчуге и блистала бриллиантами». За-

<sup>16</sup> Е. А. Бобров. Литература и просвещение в России XIX в., т. III. Казань, 1902, стр. 130.

<sup>17</sup> Там же, стр. 134.

тем Барух посещает главного мудреца Ниневии Салогалуда, который за большую плату учит, как должен жить человек, чтобы быть счастливым. Согласно учению Салогалуда, мудрый человек — это «самый вернейший подданный и ревностнейший исполнитель законов». Барух учится у мудреца три года и, кажется, достигает благополучия. Однако жена изменяет ему, он закалывает соперника, и это привлекает к нему всеобщее внимание. Одна из жен великого царя берет его к себе в чтецы. Уклонившегося от ее любви Баруха обвиняют в оскорблении его величества и осуждают на тяжкую работу в течение десяти лет. Постепенно он впадает в безумие, и раскусодок возвращается к нему лишь в минуту смерти, когда он умирает на руках бедного философа Абунассара, который добывал пропитание тем, что рубил дрова.

Таким образом, «Барух» принадлежит к жанру «восточных» повестей, причем характеризуется не только отвлеченно философской тематикой, но и резкой сатирической направленностью. Р. Фюрст справедливо говорил о влиянии Вольтера на Антона Валля, а повесть «Барух» называл «совершенно вольтеровской» («ganz voltairisch»).<sup>18</sup> Простодушный и доверчивый Барух действительно напоминает героев Вольтера, но особенно важно, что автору «Безделок» удалось усвоить вольтеровскую манеру повествования, проникнутую иронией и скепсисом. Среди сатирических образов, созданных немецким писателем, особенно колоритна фигура «великого царя», который «не любил чтения, отчасти потому, что вообще был не очень хорошего мнения о книгах, отчасти же потому, что, будучи брат солнца, все уже знал».

Сюжет повести Антона Валля построен вокруг философской проблемы, чрезвычайно занимавшей деятелей русского масонства, — проблемы истинной мудрости и счастья. Этот вопрос, видимо, был частым предметом бесед А. А. Петрова с Карамзиным. В шуточных «Анакреонтических стихах А\* А\* П\*» (А. А. Петрову) Карамзин говорит:

Читая философов,  
Я вздумал философom  
Прослыть в ученом свете;  
Схватив перо, бумагу,  
Хотел писать я много  
О том, как человеку  
Себя счастливым сделать,  
И мудрым быть в сей жизни.<sup>19</sup>

<sup>18</sup> R. Fürst. Die Vorläufer der modernen Novelle, S. 152

<sup>19</sup> Детское чтение, 1789, ч. XVIII, стр. 94.

Вполне естественно, что повесть Антона Валля, посвященная именно этой теме, привлекла внимание и Петрова, и Карамзина. Правда, русскому писателю в общем было чуждо сатирическое направление произведения Антона Валля. Но публикация перевода одной из его самых острых в политическом отношении повестей — это уже достаточно яркий и интересный момент, характеризующий издателя «Московского журнала», особенно если учесть, что это было в 1791 г., когда страх перед французской революцией все увеличивался в России, когда были арестованы Радищев и Новиков, когда усилились репрессии против масонов.

О знакомстве с другими произведениями из сборника Валля Карамзин говорит в повести «Наталья, боярская дочь» (в журнальной редакции). По поводу высказывания Сократа, что «красота телесная бывает всегда изображением душевной», писатель замечает: «Нам должно поверить Сократу... и я худо верю анекдоту о Лейпцигском студенте и безобразном Жиде, рассказанному Антоном Валлем в его „Безделках“». <sup>20</sup> Здесь Карамзин имеет в виду повесть «Ein Beitrag zur Gesichterkunde, in zwei Geschichten», <sup>21</sup> состоящую из двух новелл. В первой из них рассказывается о жестоком и бессердечном молодом красавце, студенте, во второй — о честном и благородном разбойнике еврее с безобразной внешностью. Это произведение, по-видимому, особенно заинтересовало Карамзина благодаря своей полемичности по отношению к «физиогномическим» теориям Лафатера. Хотя замечание Карамзина носит явно шуточный характер, не исключено, что чтение повести Антона Валля в какой-то мере способствовало укреплению критического отношения русского писателя к учению Лафатера. Юношеское восхищение швейцарским философом несколько ослабло у Карамзина к началу 90-х годов. Правда, издатель «Московского журнала» с явным уважением и симпатией говорит о Лафатере, но признается, что «обо многом думает совсем не так, как он думает» <sup>22</sup> и что, на его взгляд, Лафатер «простирает свое умозрение далее надлежащего». <sup>23</sup>

По-видимому, «Безделки» Антона Валля, которые писатель посвятил своим друзьям («seinen Freundinnen und Freunden») и этим как бы подчеркнул несколько интимный характер книги, натолкнули Карамзина на мысль дать аналогичное название и своему сборнику («Мои безделки»).

<sup>20</sup> Московский журнал, 1792, ч. VIII, кн. 1, стр. 23.

<sup>21</sup> Anton Wall. Bagatellen, Bd. I, SS. 126—143.

<sup>22</sup> Московский журнал, 1791, ч. I, стр. 346.

<sup>23</sup> Там же, ч. III, стр. 222.

Одним из первых исследователей, воспользовавшихся указанием Карамзина на книгу Антона Валля, был швейцарский ученый П. Бранг.<sup>24</sup> Сравнивая ряд карамзинских повестей с рассказами из «*Bagatellen*», исследователь нашел много сходных мотивов, ситуаций и даже отдельных фраз. В частности, проф Бранг сопоставил «Бедную Лизу» с «анекдотом о лейпцигском студенте», сказку «Прекрасная царевна и счастливый карла» с «Антонией», «Юлию» Карамзина с «Юлией» и другими повестями Антона Валля. Ученый показал, что Карамзину, так же как Валлю, свойствен тонкий юмор, легкая ирония, окрашивающая отношение автора к некоторым из своих героев. Русский писатель нередко пользуется теми же приемами в повествовании, что и немецкий новеллист: шутивное повторение какой-нибудь фразы или словосочетания, игра словами, включение в текст суждений, якобы высказанных в обществе по поводу поступков героя или героини.

Все наблюдения исследователя очень интересны, и проводимые им параллели в большинстве случаев вполне убедительны. О близости литературных интересов Карамзина и Антона Валля свидетельствует еще один факт, отмеченный проф. Брангом, — обращение обоих авторов к переводу повестей Мармонтеля.<sup>25</sup>

Параллели, проведенные проф. Брангом между Антоном Валлем и Карамзиным, ограничиваются, однако, фиксацией повторений или заимствований отдельных мотивов и ситуаций. Между тем дух скептицизма, глубоко пронизывающий многие повести немецкого автора, не остался незамеченным для Карамзина. Разумеется, Антон Валль был не таким крупным мастером, который мог бы существенно повлиять на мировоззрение русского писателя. Но здесь следует иметь в виду восприятие Карамзиным всей современной ему немецкой литературы и в первую очередь таких авторов, как К. Ф. Мориц и в особенности Х. М. Виланд. Карамзин по-своему интерпретировал немецкий скептицизм и принял его лишь частично, но, может быть, именно этот заряд иронии был одним из стимулов, заставивших писателя окончательно отойти от мистики.

<sup>24</sup> P. Brang. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770—1811. Wiesbaden, 1960, SS. 127—128, 142, 145, 150—151, 171, 174—175, 202. См. также: H. Rothe. N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Berlin—Zürich, 1968, SS. 224, 299.

<sup>25</sup> Erzählungen von A. W., nach Marmontel. Leipzig, 1787. Ср.: Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным, чч. 1—2. М., 1794—1798. — Русский переводчик выбрал у Мармонтеля, однако, не те повести, которые переводил Антон Валль.

А. А. Петров совмещал свой интерес к магии с трезвым и критическим отношением к тем из своих братьев-розенкрейцеров, которые, впадая в мистику, начинали юродствовать, проповедуя полное отречение от земных забот. По-видимому, другу Карамзина был особенно близок скептицизм Виланда: напомним, что писатель называл Петрова «своим Агатом». В произведениях Виланда и Морица Карамзин находил не такое решение ряда этических проблем, которое могли предложить ему масоны, настроенные наиболее религиозно. То же самое можно сказать и о сборнике Антона Валля.

В этом отношении особенно заслуживает внимания повесть «Омар», непосредственно посвященная проблеме счастья — проблеме, живо обсуждавшейся членами Новиковского кружка. Богатый юноша Омар, чувствуя себя несчастным, получает от мудреца совет: «Терпи лишения и наслаждайся» («Entbehre und genieße»). Для Антона Валля это не дилемма, в отличие от Шиллера. В «Отречении» («Resignation», 1784) Шиллера «наслаждение» и «лишение» предстают как взаимоисключающие вещи:

Genieße, wer nicht glauben kann. Die Lehre  
Ist ewig wie die Welt. Wer glauben kann, entbehre.<sup>26</sup>

Если Шиллер выступает в защиту права человека на земные радости, то у мистиков эта дилемма решалась противоположным образом: истинная вера требует отказа от мирской суеты. Герою же Антона Валля Омару лишения доставляют счастье именно потому, что его земные желания в конце концов исполняются.

Такая философия счастья во многом была близка и Карамзину, у которого тема счастья возникает уже в первых ученических стихах и проходит потом почти через все его творчество. Наиболее отчетливо писатель выразил свое представление о счастье в таких произведениях, как идиллия «Палемон и Дафнис» (1791), и позднее — «Разговор о счастье» (1797). Герои идиллии Карамзина чувствуют себя вполне счастливыми лишь после того, как убедились, что напрасно завидовали мореплавателям, погибающим на их глазах во время бури. Обращаясь к богам, Палемон говорит: «Будем спокойно наслаждаться теми благами, которые вы нам всякой день посы-

<sup>26</sup> Кто не имеет веры, наслаждайся,  
А верующий — благ земных лишайся!

(Перевод Н. Чуковского)

лаете».<sup>27</sup> Устами Филалета Карамзин дает следующее определение счастью: «Мы разумеем под счастьем такое состояние души, в котором бы она могла беспрестанно наслаждаться живыми удовольствиями».<sup>28</sup> Филалет признается, что не любит стойков, которые «заранее кладут сердце в холодную могилу», но считает, что страсти должны быть ограничены рассудком. Временное лишение, по существу, сохраняет «способность наслаждаться» — вот идея, которая развивается Филалетом, выражающим мнение самого Карамзина. Этой же самой идеей была проникнута повесть Антона Валля «Омар».

В «Разговоре о счастье» Карамзин формулирует свой девиз: «Трудись, живи и наслаждайся». Итогом диалога Мелодора и Филалета становится мысль: «Быть счастливым есть быть добрым».<sup>29</sup> Такое понимание проблемы счастья русский писатель мог найти в новеллах Валля, в частности в его наиболее известной повести «Антония».

Конечно, «Разговор о счастье» был результатом долголетних раздумий Карамзина, стремившегося определить свое собственное отношение к этой проблеме. Едва ли писатель находился в какой-то прямой зависимости от немецкого новеллиста. Однако знакомство с его произведениями, по-видимому, все же не прошло совершенно бесследно для Карамзина.

«Безделки» Антона Валля обратили на себя внимание одного переводчика, подписавшегося инициалами И. М., который выпустил сборник повестей, переведенных с французского.<sup>30</sup>

Составители «Сводного каталога» указывают, что Христиану Леберехту Гейне принадлежит только первая повесть «Антония».<sup>31</sup> Однако, как удалось установить, следующая повесть, «Омар», — это тоже перевод из Антона Валля.<sup>32</sup> Еще

<sup>27</sup> Н. М. Карамзин, Сочинения, т. III. СПб., 1848, стр. 659.— Об этой идиллии см. статью А. Кресса в настоящем сборнике (стр. 216—218).

<sup>28</sup> Там же, стр. 480.

<sup>29</sup> Там же, стр. 503.

<sup>30</sup> Антония дочь графа О..., первого камергера короля П\*\*\*. Достопамятнейший и достойнейший любопытства анекдот, с присовокуплением разных забавных, нравоучительных, критических и приятных для сердца повестей, выбранных из новейших лучших немецких писателей. Калуга, 1793. — Источником для русского переводчика послужил указанный нами сборник переводов Полье (Париж, 1787).

<sup>31</sup> Сводный каталог русской книги XVIII в., т. I. Изд. Библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1963, стр. 206.

<sup>32</sup> Ср.: Anton Wall. Omar. Eine Erzählung in sieben Kapiteln. In: Anton Wall. Bagatellen, Bd. I, SS. 97—125. — Такое же название («Омар. Восточная повесть») носит один из переводов И. Г. Рахманинова, но это

одна повесть из этого сборника, озаглавленная «Кто знает, не к лучшему ль?», представляет собой перевод из Вильгельма Готтлиба Беккера,<sup>33</sup> писателя, во многом близкого Антону Валлю.

Переводчик довольно точно следовал оригиналу, но стиль его несколько тяжеловесен и не очень гладок. Из русских писателей того времени, подписывавшихся инициалами И. М., И. Ф. Масанов указывает двух авторов: Ивана Михайловича Кандорского и Ивана Ивановича Мартынова.<sup>34</sup> Из них с большей вероятностью автором перевода можно считать Мартынова, хотя он и не был тогда в Калуге.<sup>35</sup>

В том же 1793 г. появился еще один перевод повести Антона Валля «Антония», сделанный М. М. Вышеславцевым.<sup>36</sup> Вышеславцев тоже переводил не с оригинала, а с французского текста, но по стилю его перевод значительно лучше, чем перевод И. М. К заглавию повести дано следующее примечание: «Взята из „Безделок“ Антона Валля. Сия-то повесть послужила основанием прекрасному роману, известному под именем „Каролины Лихтфильд“. Если о многих с сожалением сказать должно, для чего они переведены, то в рассуждении сего еще с бóльшим основанием можно предложить вопрос: для чего он не переведен?».

Таким образом, «Безделки» Антона Валля привлекли внимание довольно широкого круга русских читателей и, может быть, именно благодаря «Московскому журналу» Карамзина.<sup>37</sup>

совсем другое произведение, не принадлежащее Антону Валлю (см.: Уединенный кабинет, или Собрание для приятного и полезного чтения различных материй. . . Перевел с французского И. Р. СПб., 1787). — По указанию Ю. Д. Левина, этот перевод представляет собой переделку повести Уортона из английского журнала «Искатель приключений» («The Adventurer») (см.: Ю. Д. Левин. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 102, 104).

<sup>33</sup> Ср.: W. G. Becker. Wer weiß wozu es gut ist. In: W. G. Becker. Darstellungen. Bd. II. Leipzig, 1798, SS. 183—241.

<sup>34</sup> И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1956, стр. 409.

<sup>35</sup> Среди указанных С. А. Венгеровым писателей, имеющих инициалы И. М., авторами перевода могут быть И. Я. Метальников или Иван Муравьев. Однако сведений о том, что они были в Калуге, нет (см.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. IV. Пгр., 1917).

<sup>36</sup> Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1793, ч. II, стр. 200—249.

<sup>37</sup> Антона Валля переводили и в начале XIX в. Так, в журнале «Цветник» (1809, ч. I, № 1, стр. 90—97) напечатан перевод «Крот. Из Безделок Антона Валля» за подписью Я. (Д. И. Языков — см.; И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. III, стр. 286).

Между тем в 1790-е годы Карамзин еще раз вернулся к «Безделкам». Писатель сам сделал два перевода из Антона Валля и поместил их в журнале «Муза», издававшемся И. И. Мартыновым. Карамзин скрыл свое имя за подписью Ц. Ы. Однако принадлежность этого псевдонима Карамзину не вызывает сомнений у исследователей,<sup>38</sup> тем более что именно так было подписано стихотворение «К Милости», включенное затем в прижизненные издания его сочинений. В журнале «Муза» Карамзин подписал этими буквами также перевод из А. Коцебу.<sup>39</sup>

Первый перевод из «Безделок» Антона Валля, «Анекдот»,<sup>40</sup> не очень примечателен. Это коротенькая история назидательного характера. Здесь рассказывается о великодушном князе, который помогает спасти коров, испугавшихся княжеских коней и бросившихся в болото, а затем дает пастуху кошелек. Мораль сформулирована в конце анекдота: «Сперва должно помочь, а потом уже наградить».

Несравненно интереснее второй перевод — «Первосвященник закона правды. Восточная повесть».<sup>41</sup>

Мегемед, представший пред первосвященником, обвинен в том, что «не верит слепо преданию великого пророка слово в слово, так, как большая часть его служителей оное толкуют». Первосвященник сообщает Мегемеду, что за это он будет осужден на медленное сожжение, ибо такие люди должны быть «прокляты, преследованы и, если возможно, вовсе истреблены». Выслушав это, Мегемед выступает с речью в защиту почитателей других пророков и, обращаясь к первосвященнику, говорит: «Если ты думаешь, что всяк тот заслуживает смертную казнь, коего вера удаляется от толкований пророка, то ... ступай, возьми знамя обладателя правоверных, возьми его войска и с оными сперва умертви для имени Всемогущего все народы земли, кои о пророке ничего не знают или в него не веруют; потом возвратись в страну правоверных и предай мечу всех... за то, что они не так совершенно закон понимают, как жрецы, оному наставляющие... и когда умертвишь их,

<sup>38</sup> А. Н. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875, стр. 797; И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. III, стр. 221.

<sup>39</sup> Кто бы сему поверил? Муза, 1796, ч. II, стр. 78—87.

<sup>40</sup> Там же, ч. I, стр. 258—259 (ср. Anton Wall. Eine Anekdote. In: Anton Wall. Bagatellen, Bd. I, SS. 257—258).

<sup>41</sup> Муза, 1796, ч. II, стр. 184—191 (ср.: Anton Wall. Der Oberpriester des Gesetzes der Wahrheit. Ein Märchen aus dem Morgenlande. In: Anton Wall. Bagatellen, Bd. II, SS. 250—258).

то обрати кровью обогранный твой меч в свое сердце: ибо чрез двенадцать месяцев ты целым годом долее упражнялся в законе, нежели теперь; и, следовательно, оной лучше будешь разуметь, чем в сие мгновение». Эту речь слышит «обладатель правоверных» и отпускает Мегемеда, а через десять лет первосвященник приглашает его на пир, где собираются шестьдесят священников шестидесяти различных законов.

Эта повесть Антона Валля, в которой убедительно обосновывалась идея веротерпимости, привлекла Карамзина случайно. Всякий фанатизм и суеверие всегда внушали ему отвращение. Говоря о Вольтере, русский писатель замечает: «К чести его можно сказать, что он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен, и наиболее посрамил гнусное лжеверие». Однако тут же Карамзин делает оговорку: «Но я не могу одобрить Вольтера, когда он от суеверия не отличал истинной христианской религии».<sup>42</sup>

Признание законности существования различных верований и вместе с тем сохранение религиозности — такова позиция Карамзина, достаточно прогрессивная для его времени. Естественно, что произведения европейской литературы, где высказывались аналогичные взгляды, привлекали внимание писателя. Так, в «Московском журнале» он поместил перевод с немецкого под названием «Кофейный дом. Из нового азиатского путешествия». Здесь есть следующая фраза, обращенная к фанатикам: «И тот несчастный безумец, который не хочет верить бытию бога, да страдает во хладе и мраке собственного своего сердца, а не в темницах ваших!».<sup>43</sup> Эта мысль в высшей степени характерна для воззрений самого Карамзина, и в то же время она явно соотносится с философской повестью Антона Валля.

Непримиримость к насилию над религиозными убеждениями, требование свободы совести (понимаемой, разумеется, в соответствии со своей эпохой) — таковы основные идеи немецкого новеллиста, нашедшие живой отклик у Карамзина.

---

<sup>42</sup> Московский журнал, 1792, ч. VI, стр. 185—186. — Описывая в «Письмах русского путешественника» посещение Бенедиктинского монастыря, Карамзин живо рисует аллегорический образ фанатизма: «Мне казалось, что я пришел в мрачное жилище Фанатизма. Воображение мое представило мне сие чудовище во всей его гнусности, с поднявшимися от ярости волосами, с клубящеюся у рта пеною, с пламенными, бешеными глазами и с кинжалом в руке, прямо на сердце мое устремленным» (Московский журнал, 1791, ч. III, стр. 183—184).

<sup>43</sup> Там же, ч. VIII, стр. 153.

Перевод повести Валля — это еще одно свидетельство широты религиозных взглядов самого Карамзина, несовместимой с крайним мистицизмом целого ряда масонских деятелей.

Таким образом, интерес Карамзина к «Безделкам» Антона Валля носил вовсе не поверхностный характер, как это может показаться на первый взгляд из шуточного замечания в повести «Наталья, боярская дочь». Карамзин сумел по заслугам оценить талант этого оригинального, интересного автора и познакомить с ним русскую публику конца XVIII в.

---